12+

Марина Новак

Пыль и цветение

Марина Новак

Пыль и цветение

«Издательские решения»

Новак М.

Пыль и цветение / М. Новак — «Издательские решения»,

Пять городов, пять случайных встреч и одна невидимая нить сквозь десятилетия.Этот сборник рассказов — манифест возвращения к жизни. Книга бросает в гущу осязаемого мира: знойный, бакинский полдень, тень древних ереванских камней и полумрак каунасского отеля. Драмы о хрупкой памяти и юношеском голоде чувств для тех, кто готов заново ощутить запахи, звуки и обжигающее тепло ушедшей юности.

© Новак М.
© Издательские решения

Содержание

Пыль и цветение 6
Предисловие 7
Дорогой читатель! 8
Рассказ 1 9
Под сенью зеленоватых вод 10
Часть первая 13
Часть вторая 15
РАССКАЗ 3 17
Часть первая 18
Часть вторая 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Пыль и цветение

Марина Новак

© Марина Новак, 2026

ISBN 978-5-0071-6036-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Марина Новак. Пыль и цветение (Сборник рассказов)

Пыль и цветение

Пять городов, пять случайных встреч и одна невидимая нить, натянутая сквозь десятилетия.

Этот сборник рассказов — манифест чувственного возвращения к жизни для тех, чья душа замерла в рутине. Книга швыряет читателя в гущу осязаемого мира, заставляя физически дышать знойным, пропитанным нефтью бакинским полднем, укрываться в тени древних ереванских камней и замирать в душном полумраке каунасского отеля. Здесь, на стыке эпох, разворачиваются драмы о хрупких связях памяти, юношеском голоде чувств и стихийной искренности, которую невозможно заглушить.

Это проза о том, как эстетический код и духовный опыт поколений прорастают сквозь время, совершая причудливые петли через судьбы чужих людей. Случайный карандашный портрет из школьных лет и авангардный шелковый сарафан становятся оптическими прицелами рока, пробуждающими плоть и дух от долгого оцепенения. Книга для тех, кто готов сорваться в путь, содрать кожу привычных будней и заново ощутить трепет, запахи, звуки и обжигающее тепло ушедшей юности.

Предисловие

Дорогой читатель!

Вы держите в руках не просто сборник рассказов. Это путевой дневник человеческих душ. Время от времени судьба связывает нас невидимыми нитями с городами, вещами и людьми. Мы можем годами не замечать этого, пока однажды эстафета духа — через старую дружбу, дерзкий талант модельера или безмолвный взгляд незнакомца — не сделает крутую петлю, чтобы навсегда изменить летопись нашей жизни.

Эти пять рассказов писались как попытка уловить ту самую муракамовскую, отрешённую тишину, в которой разум бессилен, а тела и сердца начинают понимать друг друга быстрее, чем мы успеваем подобрать слова. Здесь много тепла, соли, шёлка, винограда и случайных совпадений, которые на самом деле никогда не бывают случайными.

Откройте эту дверь. Вас ждут.

Оглавление

— Предисловие … 3
— Рассказ 1. Под сенью зеленоватых вод … 5
— Рассказ 2. Хрупкое и неосязаемое … 21
— Рассказ 3. Дух места: Бакинский полдень … 39
— Рассказ 4. Портрет … 57
— Рассказ 5. Каунасский одуванчик … 75

Рассказ 1

Под сенью зеленоватых вод

Юг никогда не заманивает нас открыто — он действует через чужие безумства. Всё началось с чужой любви, к которой я не имела никакого отношения, но которая, точно внезапный шторм, сорвала меня с насиженного, остывшего северного места. Моя подруга боялась этого путешествия. Она малодушно трепетала перед страстью человека, который говорил на другом, слишком горячем для нашего климата языке и звал её в глубь своей древней, пугающей родины. «Я поеду, только если ты будешь рядом», — этот испуганный шепот стал моим билетом в неизвестность. Мы бежали от навязчивых проводников и вытоптанных туристами троп, желая разгадать эту дикую землю вдвоем.

Севан подчинил меня себе сразу, но не той открыточной синевой, которую обычно ждут от больших озёр. Его вода дышала густым, ядовито-зеленоватым оттенком; это была живая, капризная плоть, зажатая в тиски суровых армянских гор. Когда солнце стояло высоко, озерная гладь отливала светлым, обманчивым малахитом. Но стоило светилу коснуться вершин и пустить по воде первую горную тень, как Севан мгновенно менялся — он уходил в глубокую, мрачную, почти чёрно-зелёную бездну, словно затаив вековую обиду.

В один из таких вечеров, когда солнце пряталось за скалы, а вода Севана наливалась этой тяжёлой, маслянистой зеленью, их глухое недопонимание наконец рвануло наружу. Мы распластались на прибрежной гальке, отдавая тела остаткам дневного тепла, пока он, измученный и потемневший от тяжелой работы, не пришел к нам вместе с каким-то приятелем. Они принесли хлеб и вино; мы преломляли еду прямо там, у самой кромки наступающей воды, чувствуя, как сгущаются сумерки. И вдруг вспыхнула ссора. Я уже не помню, какое именно слово послужило толчком, но южная стихия, долго копившаяся в жилах, мгновенно переросла в бурю.

Я впервые слышала, как по-настоящему ругаются мужчины этой земли. Это было жутко. Их язык, в обычные минуты казавшийся просто колоритным, вдруг сорвался на яростные, гортанные, рокочущие звуки, которые вибрировали в самом воздухе и пугали своей первобытной, дочеловеческой силой. Мне стало по-настоящему страшно. И в этой точке кипения, ослеплённый гневом, он сделал то, чего мы, выросшие в сдержанной северной прохладе, никак не могли ожидать: резким, слепым движением он сгрёб в охапку всё, что осталось от ужина, всю эту тщательно собранную для нас еду, и с размаху швырнул прочь, в темноту. В этом жесте было столько дикой, уязвленной гордости, столько пугающего, разрушительного надрыва, что стало окончательно ясно: в тёмно-зелёных глубинах этого союза им двоим никогда не найти дна.

Но настоящая трещина пролегла еще глубже пляжных скандалов. Мы жили не в безликой гостинице, а внутри его семьи, в тесной, раскаленной квартире, и это бытовое заточение превратилось в изнурительное испытание для нашей плоти и духа. В те годы впустить в свой закрытый, традиционный мир двух абсолютно незнакомых девушек с далекого Севера было шагом отчаянным. Его родственники молчаливо, но жестко кривились — их кровь бунтовала против этого брака, против чужачки, ломающей вековой уклад. В воздухе комнат, пропитанном тяжелыми запахами незнакомой еды и чужой гортанной речи, с каждым днем густело наэлектризованное, липкое напряжение. Когда люди, разделенные пропастью менталитетов, вынуждены сутками делить один тесный кров, чужое присутствие начинает душить на физическом уровне.

Побег в Ереван стал спасением**.** Этот человек помог нам найти гостиницу, купил билеты на обратный рейс и… остался там, на Севане, вернувшись к работе. С его отъездом стены словно раздвинулись. Мы наконец остались вдвоем с подругой в прохладном номере, предоставленные сами себе. Наш защитный купол восстановился. Лишь изредка, раза два за неделю, он внезапно врывался в эту ереванскую жизнь вместе со своим неизменным другом — как

горячий горный ветер, приносящий отголоски севанской бури. Но мы уже пробовали свободу на вкус.

Город обнимал тишиной. Однажды мы совершенно случайно забрели в дом-музей художника Мартироса Сарьяна. Там не было ни души. В гулких, прохладных залах, залитых мягким светом, мы застыли перед полотнами, которые буквально взрывались чистым, неистовым цветом — золотом, охрой и лазурью. Растроганная нашим уединением женщина-экскурсовод тихо подошла и вполголоса, совершенно бесплатно, провела нас сквозь эту ослепительную вселенную сарьяновских красок. Это было похоже на благословение самого Еревана.

Но Юг не собирался выпускать нас из виду. Оказалось, что уязвленный жених тайно вызвал подмогу — армейского друга, жившего в Ереване. Ему строго-настрого наказали присматривать за нами и контролировать каждый шаг. Этот кавказский надзор, продиктованный смесью ревности и заботы, в итоге обернулся чудом. Мужчина приехал на следующий же день на машине, прихватив приятеля.

Но вместо строгого конвоя они подарили нам саму историю этой земли. Нас повезли прочь от городских улиц — туда, где среди кавказских скал высился строгий, совершенный силуэт древнего языческого храма Гарни, так похожего на греческий Парфенон. Нам показали Эчмиадзин, дышавший вековой молитвой и тяжелым, намоленным камнем. Без этого ревнивого присмотра мы никогда бы не прикоснулись к истинному сердцу Армении, которое билось далеко за пределами шумных городских площадей.

Август стоял над Ереваном тяжелым, неподвижным маревом. Однажды, спасаясь от зноя, мы почти вслепую вышли к подножию огромного Дворца спорта. Он высился на холме, похожий на футуристический корабль, а с его склонов яростными ступенями обрушивались мощные потоки. Это был огромный бетонный каскад, ломающий пространство под прямыми углами: вода с грохотом срывалась вниз, разбиваясь о террасы. Под одной из таких нависших плит, в густой каменной тени, пряталось маленькое кафе — невиданная для нас, северян, роскошь открытого воздуха и вечного лета.

Мы сели за столик, и мир вокруг мгновенно сузился. Совсем близко, всего в полушаге, глухой стеной ревела падающая вода. Огромный, раскаленный город за этой завесой превратился в дрожащую, размытую акварель. Я смотрела на Ереван сквозь плотную, зеленоватую толщу летящих струй, ловя губами влажную прохладу и колючую пыль брызг. В ушах стоял утробный гул водопада, перед глазами плыли искаженные силуэты крыш, и в этой внезапной изоляции меня не покидала ошеломленная мысль: «Господи, какая же это магия — подчинить стихию так, чтобы заставить человека смотреть на целый мир сквозь жидкое стекло живой воды?»

В гостиничном номере, глядя на собранные чемоданы, подруга устало спросила меня, словно искала последнюю точку опоры: «Ну, как ты всё это видишь? Я и он… разве это возможно?» Я ответила единственное, что могла: «Ты должна решить сама». Но мы обе знали, что всё уже решено. Она ни о чём не жалела. Южная сказка не сложилась: ментальные пропасти оказались шире и глубже, чем вся его гортанная, яростная страсть. Подруга была готова вернуться в нашу привычную, понятную прохладу.

Сам полет остался в тумане памяти, но Юг не отпустил нас сразу. Еще долго после возвращения, когда мы уже вошли в прежний ритм, в её северной квартире раздавались междугородние звонки. Телефон на стене дребезжал, взрываясь далеким, упрямым кавказским пульсом. Он звонил, пытаясь дотянуться, переубедить, вернуть… Но вода Севана уже навсегда ушла в черную горную тень, а мы остались на своем берегу — повзрослевшие, изменившиеся и сохранившие это чужое солнце в памяти на всю оставшуюся жизнь.

Рассказ 2.
Хрупкое и неосязаемое.

Часть первая

Город Валерии — гигантский улей, высеченный из тяжелого времени, — насчитывал тысячи обитателей, но в самой его сердцевине пульсировало странное, почти осязаемое одиночество. На центральной площади высились монументальные здания. Их строгие черты классицизма и упрямая геометрия советской символики не просто украшали пространство — они консервировали энергетику этого места, устремляя её строго вверх. Этот каменный контур находил зеркальное отражение в реке: плотная, свинцовая ткань воды с резким алюминиевым отливом казалась закованной в гранит навсегда, лишенной права на живое движение.

Но земля, таящая в недрах первородное богатство, умела бунтовать против этой строгости. И лучшим проявлением такого бунта был так называемый «малахитовый дом» — настоящая экзотическая игрушка, дерзко брошенная посреди серого порядка. В его облике безумный архитектор смешал капризное барокко, острую готику и пряные мавританские мотивы, уложив всё это буйство на сочную зеленую основу. Дом не прятал свою красоту, он выставлял её напоказ, дразня прохожих, будоража сонную фантазию и заставляя мечтать о странах, которых никогда не существовало на карте.

Именно здесь, у подножия этой архитектурной мистификации, они и пересеклись.

Саша шел с приятелем, лениво следуя за двумя девушками. Но его взгляд уже вычленил из знойного марева фигуру Валерии. Он очерчивал её контуры с жадностью художника. Августовский ветер — южный, сухой, склонный к мелким проказам — нещадно путал длинные золотистые волосы девушки. Саше нестерпимо захотелось уподобиться этому ветру: запустить пальцы в теплое золото, осязать его хрупкую текстуру. В этом внезапном порыве спало еще неосознанное, но уже хищное желание обладать. Полуденное солнце выступало в роли сообщника: оно безжалостно высвечивало точеные линии её ног и грело молодую, тронутую загаром кожу под тонкими, едва заметными бретельками топа.

Прелюдия оказалась короткой — дом Валерии был слишком близко. Но время, сжатое расстоянием, они компенсировали интенсивностью первого впечатления. В тех немногих, почти дежурных фразах, какими они перекинулись, Валерия успела уловить острые проблески интеллекта, а её взгляд скользнул по крепким бронзовым рукам, угадывавшимся под завернутыми рукавами летней рубашки. Они обменялись номерами телефонов — короткими цифровыми кодами будущей катастрофы — и расстались.

Саша позвонил. Не сразу, выдержав ту самую паузу, которая разжигает любопытство. Их вела взаимная тяга, смешанная с любопытством. Студенческие каникулы дарили им абсолютную, пьянящую свободу. Сентябрь еще только маячил на горизонте, готовя Сашу к последнему курсу техникума, а Валерию — к четвертому курсу университета. Эта временная автономия подпитывала их роман, делая его декорацией к умирающему лету. Они без конца бродили по остывающим улицам, болтали обо всем и ни о чем, ели тающее мороженое и исступленно целовались в густой, пахнущей пылью и старым бархатом темноте последних рядов киноконцертного зала.

Из этих разговоров Валерия узнала, что его родители — преподаватели института, интеллигенты, недавно переехавшие в этот промышленный город. А там, откуда они приехали, в его прежней жизни, осталась ссадина — какая-то темная, глубокая боль от первой любви. Саша коснулся этой темы вскользь, едва задев её краем слова, и Валерия не стала расспрашивать. Она обладала тем редким тактом, который современные люди часто путают с равнодушием: вторгаться в чужую приватность в её понимании было дурным тоном. Прошлое Саши её не интересовало — мир для нее начался с момента их встречи у малахитового дома.

В один из выходных Саша предложил сбежать из города на озеро — привычную зону отдыха горожан. Валерия немного опоздала. Парень не нахмурился и не бросил упрека. Он лишь улыбнулся кончиками губ и произнес с легкой, почти театральной грацией:

— Королеве не пристало опаздывать.

Эта сцена навсегда врезалась в её память, словно проявленный фотоснимок**.** Солнечная, залитая безжалостным светом поляна. Посреди неё — грубая, глубоко вбитая в землю деревянная скамейка без спинки. Саша сел, а Валерию увлек за собой, заставив встать между его колен. Он смотрел на нее снизу вверх, и в темно-карих глазах парня прыгали озорные, почти языческие огоньки. Его лицо, обычно собранное, сейчас дышало абсолютным, беззащитным счастьем.

Они снова болтали, сбиваясь на поцелуи. Золотые волосы девушки то и дело касались его щек, на которых горел молодой румянец. В этой нехитрой игре сквозила густая, едва сдерживаемая чувственность. Соблазн мягкими волнами растекался по её гибкому, податливому телу. Они были счастливы. Радость окутывала их плотным коконом, осязаемой аурой, связавшей двоих в единое целое.

Тогда они еще не знали, как безжалостно жизнь умеет дублировать собственные сюжеты. Пройдет время, и это точное положение тел, эти же позы влюбленных повторятся — но в другом месте, в другой, куда более мрачной точке координат, и с совершенно иными, разрушительными эмоциями.

Часть вторая

Встречи стали реже. Началась учеба**.** Как-то зимним днем Саша пришел к Валерии. Шла обычная болтовня о текущих делах, скользили привычные касания рук, улыбки… Она сидела на своем письменном столе, а он — на стуле перед ней. Да, всё было почти как тогда, у озера. За этим будничным разговором девушка совсем не чувствовала его волнения.

И вдруг он произнес:

— Нам надо расстаться.

— Почему? — удивилась она.

— Через несколько месяцев я окончу техникум и уйду в армию. Всякое может произойти за эти годы.

И тут у Валерии полились слезы. Их не ожидал никто: ни она, ни он. Крупными каплями они падали ей на колени. Саша так же, как и на озере, смотрел на нее снизу вверх и пытался утешить, но она совершенно не запомнила в тот миг выражения его лица. За прошедшие полгода Валерия так и не смогла понять, как он к ней относится. Любит ли? Нужна ли она ему? Саша словно держал её на невидимой дистанции: не отпускал, но и не подпускал ближе.

Она просто рыдала. Это было подобно внезапно открывшемуся путнику водопаду, который низвергался вниз с грохотом и шумом. Пустая квартира была оглушена этим плачем — словно и сами стены застыли в недоумении. Горечь и отчаяние прорывались сквозь потоки слез. Валерия не хотела его отпускать. Он утешал её, но не давал никакой надежды. Постепенно она успокоилась, приняв случившееся как данность. Они сухо простились.

Прошло больше двух лет**.** И вдруг, словно черт из табакерки, на горизонте её жизни появилась младшая сестра Саши. Валерия представилась сама, решив, что девочка её уже не помнит, и попросила передать брату: если он захочет встретиться, пусть позвонит. Свой номер телефона она записала прямо на конфетной обертке.

Валерии отчаянно хотелось узнать, что произошло с Сашей за эти годы. Как время изменило его? Остались ли в его сердце хоть какие-то чувства к ней?

Он позвонил. Возможно, этими же вопросами задавался и он сам, заинтригованный внезапным приветом из прошлого. Они встретились в кафе. Расспросы о новостях быстро исчерпали себя. Валерия не увидела в Саше особых перемен — разве что он теперь поступил в институт, а она уже окончила университет и пошла работать.

Второй раз они встретились у него дома**.** И вот тут он показал ей её фотографии, сделанные в том далеком августе, и пустой флакон от туалетной воды, которую она когда-то ему подарила. В голове Валерии крутилась одна мысль: «Почему он это хранил и почему показал?»

Эти несколько встреч были сухими, словно они на ощупь шли друг к другу. И опять в его разговорах проявилась фигура зятя — гуляки и плута. У неё давно сформировалось мнение, что этот человек пагубно влияет на Сашу. Из их отношений ушли теплота и интерес. Валерия это почувствовала, и чутье её не обмануло: от своего зятя он теперь не отставал. Словно Саша, поступив в институт и обретя долгожданную свободу после армейских лет, получил и внутреннее освобождение от прежних рамок. А может быть, он просто не хотел снова привязываться к женщине, чтобы не ощутить знакомую боль?

И Валерия ушла. Больше она его не видела. Но многие годы он не отпускал её — или она его. Временами она вспоминала Сашу.

Последнее, что она сделала спустя много лет, — нашла его страницу в социальных сетях. Там была только его фотография. Валерия написала ему всего две строчки: «Командовать парадом буду Я» — так Саша говорил, когда они решали, куда пойти, — и «Королеве не пристало опаздывать». Даже если бы он написал ей в ответ, она бы не стала отвечать.

*** * ***

Саша перечитал эти строки раз, другой, и где-то глубоко в груди, под броней его привычного, воспитанного годами молчания, резко повернулся ржавый ключ. Перед глазами мгновенно встало озеро, залитое августовским солнцем, её смех и тот легкий, невозвратный запах туалетной воды, пустой флакон от которой до сих пор лежал в ящике его стола.

Вместе с этим ароматом нахлынула жгучая боль. Он вдруг отчетливо осознал, что потерял не просто девушку из юности, а человека своего уровня — ту редкую, содержательную глубину и ментальное родство, которые он больше ни в ком так и не встретил. Все эти годы среди пустых разговоров зятя он втайне тосковал по их точкам соприкосновения, где они понимали друг друга с полуслова. Он отпустил её, думая, что поступает как взрослый и гордый мужчина, а теперь смотрел на экран и понимал: парад окончен, королева ушла, а у него остались только эти две строчки, которые он никогда не удалит.

РАССКАЗ 3
ДУХ МЕСТА: БАКИНСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Часть первая

Первые дни осени в Москве выдались такими, будто природа решила разом вылить на город все запасы накопившейся сырости**.** Мне определенно пора было уезжать домой, увозя с собой чемодан новых впечатлений, — и без того из-за моих каникулярных приключений в университете была безбожно пропущена целая неделя лекций. Я подняла голову и огляделась: под свинцовым, серым небом тускло и сиротливо поблескивали купола церквей. В следующий миг хлынул частый, злой дождь. Спасаясь от потопа, я шмыгнула в первый попавшийся магазин — исключительно с благородной целью купить пару пустяков и переждать непогоду. За огромными витринами бушевала стихия: капли ползучими, извивающимися змейками сползали по стеклу, превращая улицу в размытый акварельный пейзаж.

В отделе женской одежды моё мирное созерцание вешалок было прервано. Ко мне подошел мужчина лет тридцати двух, на лице которого читалась крайняя степень предпраздничной паники. Беспомощно оглядевшись, он умоляюще попросил поддержать его — незнакомцу позарез нужно было выбрать подарки жене, а мой рост и размер, к его невероятному счастью, с ювелирной точностью совпадали с параметрами его супруги. Обреченно вздохнув, я согласилась побыть живым манекеном.

Выбором платья дело не кончилось: почувствовав во мне надежного союзника, этот ураганный мужчина увлек меня в другие отделы, лихорадочно подбирая сувениры для целой армии родственников. Часа через два, доведенные затянувшимся марафоном до полного изнеможения, мы буквально заползли в ближайшее кафе. А за окном всё так же монотонно и упрямо лил дождь.

Моего спутника звали Марк**.** Выяснилось, что он работает инженером на крупном предприятии в Баку. После двух месяцев изнурительной московской командировки завтра он наконец улетал домой — отсюда и проистекала вся эта предполётная нервозность и суматоха с покупками.

Марк с глубокой, почти осязаемой тоской посмотрел на стекающие по стеклу капли и тихо произнес:

— А сейчас в Баку солнце… И тепло.

— Солнце! Тепло! — как заведенная, механически повторила я.

Мой организм, истосковавшийся по лету, отчаянно затрепетал. Больше всего на свете я любила солнце и меньше всего — прощаться с теплом. Эта короткая фраза Марка послужила детонатором. Он начал рассказывать о своем городе, и в его голосе зазвучала такая пронзительная, щемящая гордость, какая бывает только у людей, искренне влюбленных в родину. Он говорил, а я физически начинала ощущать вкусы, пряные запахи и жаркие краски этого далекого места.

Для славянского уха название «Баку» звучит коротко и немного загадочно. В моей голове тут же включилось воображение и родилась странная, но уютная ассоциация: «Баку — куб». Пока Марк увлеченно жестикулировал, я уже мысленно рисовала себе фантастический город, где аккуратные белые кубики домов теснились и смотрели в ультрамариновое небо, словно раскрывающиеся лепестки. В памяти сами собой всплыли строчки старой песни:

Мой белый город, ты цветок из камня,
Омытый добрым солнечным дождем,
Как ветрами, овеян ты веками,
Как песня, в сердце ты звучишь моем…

Удивительно, но посреди дождливой Москвы, в пахнущем кофе зале, мы умудрились на несколько часов безо всякого самолета перенестись к нему на родину.

Когда пришло время прощаться, Марк стал горячо просить, чтобы я проводила его в аэропорт. Вообще я обожаю любые путешествия и легка на подъем, но минуты чужого отъезда всегда вызывают во мне грусть — они неизменно волнительные и щемящие. И всё же я согласилась.

В аэропорт мы мчались на такси, рассекая колесами лужи. Уже у самой стойки регистрации Марк внезапно обернулся и с видом волшебника преподнес мне три потрясающие, высокие розовые розы. Он мягко обнял меня и шепнул: «Ты славная девочка. Береги себя». И мы попрощались. Он растворился в толпе улетающих, а я осталась стоять посреди бурлящего терминала. Нежный цвет этих роз я расценила по-своему — как искреннее уважение к моей молодости и молчаливую благодарность за то тепло и мимолетную радость, которые нам удалось разделить в эти последние московские часы.

Часть вторая

Прошло несколько лет, прежде чем колеса самолета наконец коснулись посадочной полосы бакинского аэропорта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.